

АБСУРДИЗМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БЫТИЕ

Эльвира СПИРОВА

доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: elvira-spirova@mail.ru

РАЗУМ В ОКОЁМЕ ГЛУПОСТИ

Глупость – свойство неразумного человека, противоположность мудрости и разуму. Человеческое поведение далеко не всегда отличается продуманностью и рассудочностью. Многие поступки людей, действия социальных групп и даже народов демонстрируют нелепость, абсурдность, иррациональность. Отчего же разум – благословенный дар человека – утрачивает своё предназначение, превращается в собственную карикатуру? Почему люди не способны использовать полный арсенал присущей им разумности? Каким образом безмозглость получает столь очевидные полномочия?

Философы издавна обращали внимание на феномен глупости, на отрицательную её роль в истории. Сначала неразумие казалось многим мыслителям результатом «неполного», «частичного» использования разума, частным примером недомыслия. Однако постепенно, уже за пределами античности, возникло убеждение, что глупость – расхожее явление, она зачастую заслоняет разум. В работе Эразма Роттердамского «Похвала глупости» появилось желание дистанцироваться от неразумия путём сарказма. В Новое время стало уже понятно, что глупость имеет собственные корни, что есть теоретические возможности обуздать сферу тупоумия. Это особенно характерно для философии Ф. Бэкона. Но указание на источники несуразности и недомыслия, внеся ясность в действие «идолов сознания», не устранило глупость как нежелательного спутника ума. Так, по убеждению Бэкона, глупость возникает не сама по себе, вне рамок разумности. Она коренится в самой разумности, в её противоречиях и психологических послылках. Вскоре мыслители убедились в том, что данный феномен настолько очевиден, распространён, что, пожалуй, вообще встреча-

ется чаще, чем мудрость. Она располагается в широком диапазоне – между рациональностью и бессмысленностью, внешней достоверностью и полной неадекватностью. Обращаясь к истории, философы пришли к убеждению, что мудрость конкретной эпохи оказывается очевидной глупостью в иное время. То, что считается абсурдом, неожиданно открывается как высокая истина.

Ключевые слова: философская антропология, человек, человеческая природа, глупость, разум, идолы сознания, мудрость, рациональность, бессмысленность, познание

Феномен неразумия

«**В** классической философии мозг выступал как поразительное творение Бога. Он трактовался как источник разумности, памяти и как выражение величия человека. Однако изучение мозга привело к мысли, что он имеет целый ряд дефектов, которые не позволяют оценивать его как огромное достижение эволюции. Во многих современных исследованиях мозг наделяется множеством серьезных недостатков. Так, в философии возникает потребность заново переосмыслить такие понятия, как человек, сознание, мозг, эволюция» [9, с. 6].

Античные философы не уставали поражаться огромным возможностям человеческого ума. Хвалу разуму возносит, к примеру, Демокрит. Он усматривает три плода, которые несёт мудрость: «дар хорошо мыслить», «дар хорошо говорить» и «дар хорошо делать». Однако далеко не всегда люди достойны этого божественного таланта. Нередко в поступках людей обнаруживается глупость, бестолковость, недомыслие и скудоумие. Как же это возможно? Аристотель размышляет: если человек обладает разумом по определению, то каким образом обнаруживается его недостаточность? В каких случаях разум слабеет? И отчего он замещается неразумностью? Как ни рассуждай, а душа не столь уж и монолитна. Есть в ней, понятное дело, мыслящая часть. Разумная сфера души обладает суждением, рассудительностью, пониманием. Но наряду с разумом существует и неразумие [2].

У души, по мнению античного философа, есть три силы: чувство, ум, стремление. Нет сомнений в том, что наибольшее значение для человека имеет ум. Сознательный выбор – это результат активности «стремящегося ума». В разумной части души обнаруживает себя и воля, которая может быть представлена как осознанное стремление. Ум и воля находят друг друга. Человек поступает разумно, целенаправленно.

Но у души есть и другая часть. Она не основана на разуме. В ней возникают совсем иные желания и устремления. Диктуются они страстью. Ум, как можно предположить, является божественным творени-

ем. А вот страсти имеют иное происхождение. Они порождены другой, небожественной силой. Так, душа заранее обречена на борьбу. Страсть способна совлечь человека с верного пути, даже в тех случаях, когда он слышит голос разума. Стремление побеждает размышление. Но всегда ли так? Чаще всего люди сообразуются с умом. Однако нужна особая мудрость, чтобы обуздать страсти и довериться только разуму.

В античной культуре найдём без труда осуждение глупости. Так, еврейский царь Соломон считал, что недомыслие является причиной разноликого зла. Цицерон после долгих размышлений пришёл к выводу, что мир плотно населён дураками. Их количество неисчислимо. Сократ, как отмечено в «Апологии» Платона, не уставал настраивать против себя заурядных людей, непременно указывая на их тупость.

Стоики любили повторять ставшую знаменитой фразу: «Мудреца судьба ведёт, а глупца тащит». Они полагали, что человек должен послушно, бесстрастно следовать за судьбой, быть свободным от своих страстей, от своей глупости. При этом, разумеется, славил разумность. Хотя и сомневались в её торжестве. Сенека писал:

Представим: мудрость в древности открыта,
Но, примененье – новое в свой срок.
Порокам никогда не быть изжитым,
Хвала тому, кто смог лечить порок.

В Средние века прославление разума продолжалось. Но глупость в эту эпоху перестали рассматривать как случайность и стали обнаруживать её разные лики. Августин Блаженный прославлял разум, но выражал сомнение в том, что многие люди способны жить по уму. Всякий человек, писал он, стремится к истине. Самое тягостное для человека – потерять разум. Любой человек, по мнению Августина, хотел бы находиться в здравом уме. Пусть ему придётся бедствовать, но это лучше, чем быть радостным безумцем. К самой глупости Августин относится примирительно. Ведь не каждому дано постигать истину умом. Многим людям вполне достаточно веры, они не склонны следовать путём анализа и рассуждений. Если человек ленив и неспособен к пониманию, пусть доверится вере. То, что не понял, можно принять на веру.

Не всё можно понять, но во всё можно верить. Что я понимаю, тому верю, но не всё, во что я верю, я понимаю; можно лишь верить, но не понимать. Но если я понимаю, то я в это уже верю. Вера оказывается шире, чем понимание [1].

В этом плане Августин все области человеческого познания делит на три вида:

- те области, которые доступны лишь человеческой вере (история);
- те области, где вера равна пониманию (доказательные науки – логика и математика);
- та область, где понимание возможно только через веру (религия).

Однако за пределами философии глупость в Средние века оказывалась объектом откровенного изобличения. В последние годы XV в. нидерландский художник И. Босх написал триптих «Воз сена». Левая часть полотна воссоздаёт библейскую картину сотворения мира, искушения и изгнания из рая. На правой стороне изображён воз с сеном, который перемещается слева направо. Он символизирует бессмысленность и зурядность человеческого существования. Краски картины серые, голубые и зелёные. В них нет жизни. Это не пустыня, а олицетворение застоявшегося мира. Воз тянут странные существа – полулюди, полуживотные. Они напрягаются изо всех сил, чтобы не опрокинуть воз. А вокруг целый рой человеческих существ, которые своим нелепым поведением давят колеса. Полубезумные люди пытаются вырвать из повозки клок сена. Среди этой толпы и набожные монашки, которые тащат обретенные охапки сена к мешку, который охраняет монах-пьяница.

Но картина имеет и иные подробности. Некоторые люди стремятся перевернуть воз, заодно сбросить тех, кто устроился наверху, чтобы перекусить. Но кто занял место на возу? Перед нами символическая группа. Это тройка музыкантов с мандолиной и нотами. Но рядом с ними любовная парочка. Несуразность соседства подчёркивается фигурой ангела, погружённого в молитву. Рядом с ним дьявол, играющий на флейте и охраняющий виноградную гроздь. Вся группа обозначает разные наслаждения, доступные человеку на земле. Она же символизирует тщетность и бессмысленность чувственных наслаждений.

За группой заметна крона дерева с двумя сухими ветками. На правой ветке сидит сова, а на левой – попугай, который олицетворяет глупость. Из-за дерева выглядывает ещё одно создание. Это человек с предельным вниманием разглядывает сцены картины. Это своего рода Наблюдатель. Но люди не обращают на него никакого внимания. Между тем в царящем хаосе можно обнаружить и убийство. Мужчина в соломенной шляпе повалил на землю другого и режет его горло. Внизу картины несколько жанровых сценок: знахарь во фригийском колпаке (иконографический символ глупости) пытается вырвать зуб у женщины. Другая особа держит ребёнка, которого только что вынула из лохани. Замужняя женщина, уставившись взором в дерево, не замечает, что её грабит шустрый цыган.

Кажется, достаточно подробностей, свидетельствующих о тупости жизни, о её ветоши. Но на картине есть ещё женщина с младенцем на руках, которая обнажила гениталии, а хромой человек, отбросив костыли, уткнулся в складки её платья. Выше этой сцены изображено скопление людей. Можно полагать, что они несут крест. Но на самом деле они тащат лестницу. Фигуры Христа нет. Это, надо полагать, метафора голгофы без Бога. Однако без известных персонажей картина неполная. Можно разглядеть Папу и Цезаря. Папа изображён в профиль, как обычно в сценах распятия изображают римского палача. Над всем клу-

бится туча, на которой виден Христос с золотой аурой. Он вздымает руки в иератическом жесте благословения. Но это скорее жест бессилия и поражения. Разноликие сцены абсурда свидетельствуют о картинах жизненной бессмысленности. Глупость, изображённая художником, показывает, какое значительное место занимала она в толковании средневекового христианства.

Глупость является одновременно и знанием, и незнанием; и набожностью, и безбожностью. В качестве иллюстрации можно сослаться на известное произведение Босха «Исцеление глупости». Произведение пронизано сарказмом. Всё изображённое кажется гримасой, неким знаком. Лица врачующего, как и лики больных, несут на себе печать неизлечимой отлучки разума. Глупость – не случайная нехватка ума. Она сходна с безумием. Лечащий и излечиваемый, зрители – у всех на лицах выражение врождённого и, в принципе, неизлечимого отсутствия разума.

Книга Эразма Роттердамского «Похвала глупости» [17] отражает новый этап в постижении глупости. Сам приём, использованный автором, отличается от средневекового изображения неразумия. Босх открыто демонстрирует позицию разоблачения глупости. Эразм использует сатирический приём. Глупость не стыдится себя, она себя расхваливает. Причём это происходит в разнообразных жизненных ситуациях. Такое «самоцелование» в конечном счёте наводит на мысль об осудительности неразумия. Но нередко «мудрость» и «глупость» меняются ролями. Бывает, что неглупый человек выглядит дураком. Его суждения о реальности не совпадают с общепринятыми стандартами, с обычаями. Тогда он оказывается «дураком поневоле». Глупость в этом случае лишь простое непопадание в конкретную реальность. Причём сам страдалец воспринимает случившееся с ненавистью, чем и усиливает эффект неразумия. Случается также, что выражения чувства не совпадают с велениями разума. Носитель такой сентиментальности выглядит не только чудаком, но и идиотом.

Эразм Роттердамский обращает внимание своих читателей на парадоксальность самой реальности. В начале книги автор тщательно метит смешное, но постепенно сарказм начинает преобладать. Эразм показывает бытующие в обществе предрассудки и нравы. Он осуждает тщеславие, обидчивость, лстивость, увлечённость магическими знаками. Эразм коллекционирует глупости, укоренённые в разных слоях общества – от простолюдинов до высших кругов знати – купцов, юристов, врачей, грамматиков, риториков, поэтов, зодчих, учёных, философов, богословов, монахов, придворных, кардиналов и пап.

Но Эразм Роттердамский не абсолютизирует глупость. Он возлагает большие надежды на философию, которой следует преодолеть отрыв от жизни, природы и культуры.

Вместо этого, как показано в «Похвале глупости», «доктора величавые, доктора изошрённые, доктора изошрённейшие» предлагают невежественной толпе «силлогизмы, конклюдзии, короллярии, суппозиции»,

а также такое множество направлений философии, «что легче выбраться из лабиринта, чем из сетей реалистов, номиналистов, томистов, альбертистов, оккамистов, скотистов и прочих» [17]. Эразм полагал, что порча глупости не в самой разумности, а в использовании ума. Мысль никогда не бывает завершена. Поэтому опора лишь на одну сторону реальности содержит в себе зародыш глупости. Следует избегать и категоричности, которая сковывает живость и гибкость мысли.

Тем не менее у Эразма Роттердамского нет развёрнутой феноменологии глупости. Если воспользоваться современным понятием, то он, скорее всего, деконструктивист. Эразм изобличает главным образом бессмысленность, нежели неразумие. Герменевтические усилия не входят в его замысел. В книге излагаются идеи, которые не блещут новизной. Его, скорее всего, захватывает не восстановление смысла, а сам процесс его распада.

Экспертиза глупости

Укрепление новейшего эмпиризма в истории европейской философии заставило подумать уже о мощи глупости. Впервые вместо прославления разума Фрэнсис Бэкон предлагает нам его критику. Бэкон стремится очертить границы, за пределами которых разум перестаёт быть разумным. Ум обладает способностью к порче. Эту мысль Бэкон выражает с помощью различных метафор – рассудка как «кривого зеркала» реальности, мира как лабиринта, изображения «двух столпов», опасного прохода разума между Сциллой и Харибдой. Бэкон приводит вещественные аргументы, подтверждающие нечистоту разума: спячка мышления, омертвление и вырождение наук, случайность и несистематичность размышлений, всевластие предрассудков. Общий итог категоричен: разум не заслуживает доверия.

Неожиданно формулируется Бэконом вопрос: действительно ли разум стремится к познанию? После Аристотеля такой вопрос кажется парадоксальным. Но английский философ неумолим. А что если разумом движет животная любознательность, безразличная к истине? Кроме познавательных у рассудка есть и другие «желания», страсти и устремления. Ум, конечно, служит познанию, но, судя по всему, не только ему. Выходит, в разуме есть что-то «нечистое».

Ясной и целенаправленной работе ума, по мнению Бэкона, мешают так называемые «идолы сознания» [4]. Можно полагать, что Бэкон менее всего интересовался логическим, теоретическим обоснованием познания. Основное внимание он уделяет вскрытию психических и частично физических факторов, которые препятствуют процессу мышления. Бэкон исследует скорее патологию человеческих представлений. Итак, четыре типа «идолов сознания».

К первому относятся идолы племени, чьё существование, согласно учению Ф. Бэкона, обусловлено человеческой природой. Бэкон, выдвигая положение об идолах племени, стремился показать, что человеческий разум – это неровное зеркало. Оно отражает действительность не такой, какой она является на самом деле. Причину этого Бэкон видел в том, что человеческий разум в процессе познания действительности присовокупляет к картине мира те элементы, которые присущи лишь ему одному, т. е. отдельному индивиду. Всё, что присуще отдельной личности, при объяснении окружающей действительности переносится на саму действительность.

Такое понимание действительности близко к антропоморфизму. За последние десятилетия изучение характерных для человека образцов мышления и представлений значительно усилилось. Сегодня эти образцы можно рассматривать и как основные формы индивидуального самоанализа, и как оценку индивидом окружающей его действительности. На существование определённых образцов человеческого поведения указывают многие современные исследователи, которые находят подтверждение этим взглядам в архаической мифологии, в спекулятивно-философских моделях толкования реального мира в античные времена, в метафизических системах Средневековья и современных идеологиях.

Согласно Бэкону, индивид всё для себя непонятное и неизвестное истолковывает по аналогии с известными ему вещами и явлениями. Выделяется четыре типа основных моделей тех представлений, которыми руководствуется индивид как при интерпретации своей собственной деятельности, так и окружающей его действительности. В число этих моделей входят следующие.

1. Биоморфные представления, которые основываются на опыте и знаниях индивида, полученных им в результате биологических явлений жизни (рождение, период взросления, зрелость, старость, смерть).

2. Социоморфные представления. Эти представления возникают у индивида как результат его общественной деятельности, общественных связей и личных устремлений.

3. Техноморфные представления берут своё начало в производственной сфере деятельности индивида, его деятельности в искусстве.

4. Экстатически-катарсические представления. Своим истоком эти представления уходят в эмоциональные особенности характера явления.

Индивид под влиянием эмоциональных особенностей своего характера «конструирует компенсаторные умонастроения», которые, как он сам полагает, должны помочь ему в борьбе с действительными и мнимыми препятствиями, реальными неудачами. Наряду с этой проблемой идолы племени обрисовывают и две другие фундаментальные познавательно-психологические и критико-идеологические проблемы. Одна из них сводится к тому, что научная деятельность индивида испытывает

влияние его чувств, личных интересов, субъективных оценок. К идеологическим принадлежат те высказывания, которые выдаются за теоретически обоснованные, но на самом деле не содержат в себе теоретических начал, а являются результатом процесса познания мира.

Действительно, процесс познания не может проходить без личной заинтересованности индивида, без его стремления к нему. Главное же заключается в том, чтобы выявить, влияют ли субъективные факторы только на постановку вопроса или же и на его решение.

Можно указать также на проблему «свободы оценок», которая широко обсуждается в рамках общей дискуссии по проблемам «критики идеологии». Здесь также находит своё отражение проблема обратных связей между субъективными интересами, оценками исследователя и научными фактами, проблема искажения научного познания или влияния чувств индивида. Эта проблема была выдвинута Бэконом при разъяснении им сущности идолов племени. Много внимания уделял ей и Макс Вебер, который сформулировал «принцип свободы оценок» [7]. Согласно этому принципу, любой научно-исследовательский процесс находится в определённой зависимости от субъективных оценок и норм. Здесь имеется в виду выбор проблемы и методов её решения. Но Вебер стремился к тому, чтобы исключить из научных высказываний, научной аргументации оценочные суждения мировоззренческо-политического характера.

Своим постулатом свободы оценочных суждений в науке он стремился предотвратить процесс произвольного манипулирования научными достижениями со стороны различных политических групп, которые надеялись захватить власть или стабилизировать её. Эту опасность Вебер видит в том случае, если различные политические группы станут включать в научную аргументацию свои личные политико-мировоззренческие интересы в форме определённых оценок, указаний к действиям. В сочетании с научными фактами эти субъективные элементы будут производить ложное впечатление, будто бы они также теоретически обоснованы и, следовательно, обязательны. Здесь можно видеть совпадение позиций Ф. Бэкона и М. Вебера, согласно которым наука не будет служить интересам человечества, если она будет находиться под властью личных, субъективных желаний индивида, экзогенных оценочных суждений.

Ещё одна проблема, поставленная Бэконом, состоит в том, что индивид в своих действиях заблаговременно склонен к принятию утвердительных, а не отрицательных высказываний. При оценке действительности он воспринимает те её феномены, которые согласовываются с уже существующими в его сознании и принятыми им взглядами, убеждениями, теориями. Всё иное игнорируется и отклоняется. В качестве противодействия этому явлению Бэкон предлагал так называемые «негативные инстанции» или «отрицающие случаи». По мнению Бэкона,

«позитивные инстанции» или «отрицающие случаи», которые подтверждают научное суждение, не могут спасти истину, если данному суждению противостоит «отрицательный случай».

Толкуя второй вид идолов, Ф. Бэкон, как известно, называет их «идолами пещеры», ибо каждый человек заперт в пещере собственной индивидуальности. Индивид обладает присущими лишь ему одному способностями, развивает определённые навыки и умения, которые зачастую ведут его к ложной, полной предрассудков оценке реальности. Бэкон осуждал людей, которые непомерно восхищались стариной. С другой стороны, он осуждал поведение тех людей, кто слепо преклонялся перед всем новым, не воздавая должное уже достигнутому. Таким образом, английский философ осуждал догматический консерватизм.

С идолами пещеры у Бэкона связан ещё один пучок предрассудков и заблуждений. Речь идёт о двух экстремальных способах мышления – дифференцирующем и гармонизирующем. Представители первого, а именно дифференцирующего способа мышления, существующие проблемы рассматриваются только с учётом имеющихся противоречий. Какие-либо сходные черты, взаимосвязи остаются без внимания. В противоположность им представители второго, гармонизирующего, направления не видят различий противоположностей в общественных явлениях. Они изучают только сходные черты, параллельные явления. Общим для этих двух направлений является то, что они «радикально упрощают» существующие проблемы. Они вырабатывают у индивидов односторонние представления о политической и социальной сфере общественной жизни, которые сводятся к формуле «друг–враг». Биполярные стереотипы, которыми в данном случае руководствуется индивид, обостряют обстановку в социальной и политической сфере, мешают ему трезво и реалистично оценить намерения и цели других социальных групп.

Третий вид призраков – идола рынка – вызваны к жизни, как полагал Ф. Бэкон, существованием языка, его социальной обусловленности. Язык объединяет людей, но смысл слов, в зависимости от обстоятельств, изменяется вместе с преобразованиями во взглядах толпы. Неадекватное действительности словесное обозначение вещей коренится в общественных установках и языковых клише. Слова не информируют носителя языка о действительном, доказанном многими научными исследованиями соотношении вещей в окружающем мире, а свидетельствует в первую очередь о том, как люди ложно в силу ограниченного восприятия представляют это соотношение.

Употребление в языке «имён невещественных», таких как «счастье», «свобода», связано с опасностью манипулирования в том случае, если их содержание в научном контексте определено недостаточно чётко и ясно или если их рассматривают не как «теоретические конструкции», а как обозначение вечно существующего, неизменного в

своей сути явления. Подобные случаи имеют место в политических теориях, создатели которых исходят из предпосылки, будто бы существует истинное значение таких понятий, как «справедливость», «демократия», «свобода».

В этих воззрениях не учитывается то обстоятельство, что выражения такого рода служат интерпретации и объяснению феноменов социальной действительности. Их значение устанавливается в результате договорённости и по мере необходимости может меняться. Поэтому не существует их раз и навсегда определённого, истинного значения.

В качестве четвёртого вида призраков, заблуждений и предрассудков у Бэкона фигурируют идола театра, которые выступают в самых разнообразных формах. Своё наименование они получили потому, что театральные пьесы, по мнению Бэкона, пользуются у публики несравненно большей популярностью, чем действительные исторические события. В этом заключается общность театральных пьес с феноменом, который английский философ назвал идолами театра. Их происхождение он видел в различных догматических утверждениях, возникают они также и в результате искажения законов логики. Идолы театра покоятся на трёх столпах – софистике, эмпиризме и суеверии.

Наибольший интерес представляют положения Бэкона, которые тесно связаны с современной идеологической аргументацией. Речь идёт о стратегии «эмпирического ложного оправдания» и о стратегии в большей или меньшей степени «догматизации принципов и намерений». Догматизация достигается путём выдвижения альтернативных точек зрения, и тем самым основные положения уводятся от критики. Для стратегии «эмпирического ложного оправдания» характерно то, что исследовательский материал используется не для действительной критической проверки и возможной ревизии гипотез, мнений, а для преднамеренного оправдания определённых принципов.

«Маскировка» морально-политических оценок и программ действий осуществляется с помощью заверений, выдаваемых за результат познания реальности. Логически, таким образом, оценочные и нормативные высказывания связываются с фактами действительности, и у индивида возникает впечатление их обязательности. Тем самым субъективным оценкам и убеждениям, которые представляют собой моралистические или политико-мировоззренческие точки зрения, удаётся придать видимость теоретической обоснованности. Так, по убеждению Ф. Бэкона, глупость возникает не сама по себе, вне рамок разумности, она коренится в самой разумности, в её противоречиях и психологических посылках.

Вскоре мыслители убедились в том, что феномен глупости настолько очевиден, распространён, что, пожалуй, вообще встречается чаще, чем мудрость. Глупость располагается в широком диапазоне – между рациональностью и бессмысленностью, внешней достоверностью и полной

неадекватностью. Обращаясь к истории, философы пришли к убеждению, что мудрость конкретной эпохи оказывается очевидной глупостью в иное время. То, что считается абсурдом, неожиданно открывается как высокая истина.

Бэкон, к примеру, сделал вывод, что мифы хранят мудрость древних. Он даже попытался допытаться до этой мудрости. Мифы, по его мнению, хранят скрытый и тайный смысл. И в то же время утверждает: «Некоторые мифы столь бессмысленны и нелепы по своему сюжету, что уже издалека можно услышать в них параболу, громко заявляющую о себе... Как, например, назвать выдумку о том, что Юпитер взял в жены Метиду, и, как только заметил, что она беременна, сразу же проглотил её, и поэтому сам стал беременным и родил из головы своей вооружённую Палладу» [5, с. 230]. Английский философ полагал, что ни одному человеку даже во сне не могло присниться такое чудовищное, не укладывающееся в сознании измышление.

Далее Ф. Бэкон приступает к трактовке отдельных мифов, но его выводы поражают наивностью и вызывают улыбку. Например, миф о Сфинксе он называет тонким и умным, потому что он рассказывает о науке и в особенности о её связи с практикой. «В самом деле, – отмечает Бэкон, – вовсе не абсурдно называть науку чудовищем, ибо у невежд и просто неосведомлённых людей она вызывает удивление. Она многообразна по своему виду и облику, ибо предмет науки бесконечно многообразен: женское лицо и голос указывают на изящество и словоохотливость; крылья даны ей потому, что знания и открытия мгновенно распространяются и растекаются по свету, ибо передача знания подобна бурно вспыхнувшему пламени, зажжённому от другого пламени» [5, с. 288].

Говорят о глупости нечасто. Человеческая память бережёт разумное. Хотя несуразность поучительна. Когда Христа вели на Голгофу, ученики его были убеждены, что глупость римлян будет наказана. Язычники представляли Бога в виде Зевса, готового разметать и испепелить виновных. Но Иисус был распят, верующие оказались в смятении. Разве разумно поклоняться кесарю, а не богочеловеку?

Глупость легко принимает облик разумности, она в то же время не пытается быть незаметной, а, напротив, становится агрессивной. Многие склонны думать, что глупость есть порождение ума. Однако далеко не всегда неразумие есть следствие дефекта сознания. В то же время глупость не следует считать небытием. Она сама является проблемой сознания и мышления. Вопрос о сущности глупости философы задавали не раз. Культурологическая экспертиза глупости поставила бы исследователей в затруднение. Им пришлось бы иметь в виду исторические условности, аллегории, неожиданные олицетворения и персонализации. Возьмём, к примеру, средневековый обычай привлекать к суду не только людей, но и животных. Кто знает, какая душа покоит-

ся в наказуемой твари. Но допрос и иные юридические процедуры не отменяются. Приговор выносится в соответствии с «очевидной» виновностью живой особи.

Предостережения Канта

И. Кант поставил разум во главу угла философского размышления. Поэтому он объявил бой глупости. По его убеждению, малодушный образ мышления (в морали и в религии) расслабляет все силы человека и делает его даже недостойным какой бы то ни было помощи [12, с. 57].

Немецкий философ усматривал победу глупости в том, что люди отступают от мудрости в пользу своих склонностей. Именно человеческие склонности затемняют ясную работу мышления. Поэтому глупость – не причуда. Ей надо дать отпор. Иначе она укоренится в человеческой природе. Врага надо различать. Следует искать его не в естественных, сплошь недисциплинированных склонностях, которые открыто проявляются в каждом человеке. Глупость можно, согласно Канту, обнаружить там, где она скрывается, прячется. Следовательно, «...искать надо было как бы невидимого, прячущегося за разумом врага, который именно поэтому тем более опасен. Они (смелые люди. – Э.С.) вызывают *мудрость* на бой с *глупостью*, которая по непредусмотрительности позволяет склонностям обманывать себя, – вместо того, чтобы призывать её против *злостности* (человеческого сердца), которая потихоньку хоронит своими пагубными для души принципами моральный образ мыслей» [12, с. 57–58].

Кант указал, что мудрость не следует отождествлять с умственной скоростью. Медленно постигающий ум ещё не значит слабый ум, так же как быстро схватывающий ум не всегда есть основательный ум, он часто бывает очень поверхностным.

«Недостаток способности суждения *при отсутствии* остроумия есть *глупость* (*stupiditas*). Тот же самый недостаток, но *при наличии* остроумия, есть *придурь*. – Тот, кто обнаруживает способность суждения в делах, *смышлён*. Если он при этом ещё и остроумен, то он *умён*. Тот, кто только аффектирует одно из этих качеств – остряк, или умник, существо отвратительное» [10, с. 230].

Интересно, что Кант пытался понять, существуют ли разумные существа на других планетах и каков масштаб мудрости, которым они обладают. При этом он пришёл к убеждению, что землянам в этом отношении особенно хвастаться нечем.

Суть кантовского учения о глупости такова: в сфере чистого разума она изначально противопоставляется мудрости. Причём глупость характеризуется как природный недостаток, как порок, а мудрость – как дар природы. Мудрость – это сверхчувственное, божественное в

природе. В сфере практического разума (нравственной деятельности) глупость определяется страстями, за которыми скрывается та же природная необходимость. Основными из них являются высокомерие и жадность. Мудрость здесь обусловлена свободой, отождествляемой с самостоятельностью человека. Средством связи двух противоположных частей философской системы у Канта служит способность суждения, т. е. умение судить о чём-либо. Однако эта способность оказывается отличительной чертой лишь природного ума, и отсутствие его нельзя восполнить никакой школой. Кант считал, что против глупости нет лекарства. Глупость и мудрость разводятся им в разные стороны. Глупость оказывается природной, а мудрость – моральной (культурной) характеристикой человека.

Разумеется, тема глупости сохраняет свою актуальность и в более поздней европейской философии. Она становится особенно острой в связи с изучением различных ментальностей и развёртыванием квантовой парадигмы.

Список литературы

1. *Августин Аврелий*. О бессмертии души. М.: АСТ, 2004. 511 с.
2. *Аристотель*. О душе // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 369–448.
3. *Анатомия философии: как работает текст* / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синюкова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 968 с.
4. *Бэкон Ф.* Новый органон наук. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. 351 с.
5. *Бэкон Ф.* О мудрости древних // *Бэкон Ф.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1972. С. 223–296.
6. *Бэжхёрст Д.* Формирование разума / Под ред. и с предисл. В.А. Лекторского. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.
7. *Вебер М.* Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 546–601.
8. *Гуревич П.С.* Глупость – родная сестра абсурда // *Философия и культура*. 2014. № 5 (77). С. 645–650. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.11963.
9. *Гуревич П.С.* Десакрализация мозга // *Философская антропология*. 2015. Т. 1. № 1. С. 6–19. URL: <http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/phan/2.pdf> (дата обращения: 27.04.2017).
10. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 137–376.
11. *Кант И.* О самоизобличении, самолюбии, саморазрушении и других рефлексиях и поступках человека по отношению к самому себе // *Развитие личности*. 2010. № 4. С. 122–130.
12. *Кант И.* Религия в пределах только разума // *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 544–551.

13. *Марина Х.А.* Поверженный разум. М.: Астрель: CORPUS, 2010. 252 с.
14. *Платон.* Апология Сократа. Критон. Протагор. М.: ЭКСМО, 2015. 127 с.
15. *Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию. СПб.: Азбука, 2015. 349 с.
16. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости / Предисл. П.С. Гуревича. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. 262 с.
17. *Эразм Роттердамский.* Похвала глупости. СПб.: Азбука, 2012. 188 с.

ABSURDISM AND HUMAN EXISTENCE

Elvira SPIROVA

DSc in Philosophy, Head of the Department of the History of Anthropological Doctrines. RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: elvira-spirova@mail.ru

MIND WITHIN THE FRAME OF STUPIDITY

The article analyzes the phenomenon of stupidity as a property of an unreasonable man, as the opposite of wisdom and reason. Because human behavior is not always characterized by reasonableness and rationality. Many individual actions, actions of social groups and even nations demonstrate absurdity, nonsense, irrationality.

For a long time philosophers paid attention to the phenomenon of stupidity, to its negative role in history. They looked for answers to the question: why the mind, a blessed gift to man, loses its purpose, becomes its own caricature. Why people are not able to use full arsenal of their inherent reasonableness? Why stupidity gets so obvious powers?

At first, the folly seemed to many thinkers the result of “incomplete”, “partial” use of reason, a particular example of thoughtlessness. Ancient philosophers did not get tired marvel at the enormous possibilities of the human mind. For example, Democritus praise human mind. He saw three fruits, which carry the wisdom: “the gift of thinking well”, “the gift of speaking well” and “the gift of doing well”. However, not always people deserve this divine talent.

In the middle ages, the glorification of reason continued. However, the stupidity in this era ceased to be regarded as an accident and began to discover its different faces. Augustine praised the reason, but doubted that many people are able to live rationally. Every man, he wrote, is committed to the truth. The worst thing for a man is to lose his mind. However, to the stupidity Augustine is indulgent. After all, not everyone can comprehend the truth with the help of reason. Many people are satisfied with faith; they are not inclined to follow the path of analysis and reasoning.

However, outside of philosophy, folly in the middle Ages is an object of outright disclosure. In the end of the XV Century Dutch painter Hieronymus Bosch painted a triptych “The Hay Wain”, which portrayed with sufficient

details the stupidity of life, its rags. Stupidity is both knowledge and ignorance, piety and impiety. As an illustration, you can refer to another famous work of Hieronymus Bosch "The Cure of Folly". The picture is laced with sarcasm. Everything shown seems to be a grimace, a kind of sign. The face of doctor, as the face of the sick, bear the stamp of the incurable absence of mind. Stupidity is not an occasional lack of intelligence. It is similar to madness.

Gradually there arose the belief that stupidity is a widespread phenomenon, it often overshadows the mind. In the Erasmus of Rotterdam's "Praise of folly», there is a desire to distance from the folly by way of sarcasm. The technique used by the author is different from the medieval image of folly. Bosch explicitly reveals stupidity. Erasmus uses satirical technique. Stupidity is not ashamed of herself, she praises herself. Moreover, this happens in a variety of situations. Erasmus drew his readers' attention to the paradoxical nature of reality itself. However, he is not absolutize stupidity, resting high hopes on philosophy that must overcome the isolation from life, nature and culture.

However, the author shows that Erasmus has no detailed phenomenology of stupidity. To use the modern concept, then he is likely a deconstructivist. Erasmus mainly exposes the senselessness than folly.

In modern times, it became clear that stupidity has its own roots, that there is a theoretical possibility to narrow the sphere of stupidity. This is especially true for the philosophy of Francis Bacon. Nevertheless, indication of sources of absurdity and stupidity, by making clear the action of "idols of consciousness", does not eliminate stupidity as an unwanted companion of the mind. Therefore, according to Bacon, stupidity occurs not by itself, outside the framework of rationality. It is rooted in the reasonableness, in its contradictions and psychological assumptions.

Stupidity is located in a wide range between rationality and nonsense, external validity and complete inadequacy. It easily takes the shape of reason, but at the same time not tries to be inconspicuous, but on the contrary, becomes aggressive. Turning to history, philosophers understood that wisdom of any particular age becomes obvious stupidity at other times. What was considered absurd suddenly opens as high truth.

The philosophy of the Enlightenment was based on the belief in the limitless possibilities of human mind. I. Kant put reason at the forefront of philosophical thinking. Therefore, he decided to challenge the stupidity. The German philosopher saw the reason of the victory of stupidity in the fact that people are retreating from the wisdom in favor of their biases. It is human predilections that dim clear work of thinking. Therefore, folly is not a caprice; in is necessary to fight it back. Otherwise, it will take root in human nature. The enemy should be distinguished. You should not look for it in the natural, entirely undisciplined inclinations, which are openly manifest in each person. According to Kant, stupidity must be discovered where she is hiding, lurking.

The essence of Kant's doctrine of stupidity is this: in the sphere of pure reason, it initially opposes to wisdom. Moreover, the stupidity is characterized as a natural defect, as a flaw, and wisdom as the gift of nature. Wisdom is extrasensory, divine in nature. In the field of practical reason (moral activity), stupidity is defined by the passions, behind which lurks the same natural necessity. The main of them are arrogance and greed. The wisdom here is due to the freedom associated with autonomy of the person. Means of communication between the two opposite parts of the philosophical system of Kant is the ability for judgement, i.e. ability to judge something. However, this ability is the hallmark of only the natural mind, and its absence cannot be replaced by any school. Kant believed that there is no cure against stupidity. He divorces folly and wisdom. Stupidity is natural; wisdom is moral (cultural) characteristic of the person.

Of course, the theme of stupidity is still relevant in European philosophy. It is particularly acute in connection with the study of different mentalities and with deployment of the quantum paradigm. Today stupidity has something in common with the absurdity of human existence.

Key words: philosophical anthropology, human being, human nature, stupidity, the mind, idols of consciousness, wisdom, rationality, meaninglessness, knowledge

References

1. *Anatomiya filosofii: kak rabotaet tekst* [The Anatomy of Philosophy: How Text Works], ed. Yu.V. Sineokaya. Moscow: YaSK Publ., 2016. 968 pp. (In Russian)
2. Aristotle. "O dushe" [About The Soul], in: Aristotel', *Sochineniya* [Selected Works], 4 Vols., Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1976, pp. 369–448. (In Russian)
3. Aurelius Augustinus. *O bessmertii dushi* [On The Immortality of The Soul]. Moscow: AST Publ., 2004. 511 pp. (In Russian)
4. Bacon, F. "O mudrosti drevnikh" [Of the Wisdom of the Ancients], in: F. Bacon, *Sochineniya* [Selected works], 2 Vols., Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1972, pp. 223–296. (In Russian)
5. Bacon, F. *Novyi organon nauk* [The New Organon]. Moscow: Kanon+ Publ., 2016. 351 pp.
6. Bakhurst, D. *Formirovanie razuma* [The Formation of Reason], ed. V.A. Lektorskii. Moscow: Kanon+ Publ., 2014. 368 pp. (In Russian)
7. Erasmus of Rotterdam. *Pokhvala gluposti* [The Praise of Folly]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2012. 188 pp. (In Russian)
8. Gurevich, P. "Desakralizatsiya mozga" [Desacralization of brain], *Filosofskaya antropologiya*, 2015, Vol. 1, No. 1, pp. 6–19. [<http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/phan/2.pdf>, accessed on 27.04.2017] (In Russian)
9. Gurevich, P. "Glupost' – rodnaya sestra absurda" [Stupidity Is The Sister Of The Absurd], *Filosofiya i kul'tura*, 2014, No. 5, pp. 645–650. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.11963. (In Russian)

10. Kant, I. "Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya" [Anthropology from a Pragmatic Point of View], in: I. Kant, *Sobranie sochinenii* [Complete Works], 8 Vols., 7 Vol. Moscow: Choro Publ., 1994, pp. 137–376. (In Russian)
11. Kant, I. "O samoizoblichenii, samolyubii, samorazrushenii i drugikh refleksi-yakh i postupkakh cheloveka po otnosheniyu k samomu sebe" [Self-disclosure, self-love, self-destruction and other reflections and actions of man in relation to himself], *Razvitie lichnosti*, 2010, No. 4, pp. 122–130. (In Russian)
12. Kant, I. "Religiya v predelakh tol'ko razuma" [Religion within the Limits of Reason Alone], I. Kant, *Sobranie sochinenii* [Complete Works], 8 Vols., 6 Vol. Moscow: Choro Publ., 1994, pp. 544–551. (In Russian)
13. Marina Kh.A. *Poverzhennyi razum* [The Rejected Mind]. Moscow: Astrel' Publ., CORPUS Publ., 2010. 252 pp. (In Russian)
14. Plato. *Apologiya Sokrata. Kriton. Protagor* [Dialogues of Plato Containing the Apology of Socrates, Crito, Phaedo and Protagoras]. Moscow: EKSMO Publ., 2015. 127 pp. (In Russian)
15. Schopenhauer, A. *Aforizmy zHITEISKOI mudrosti* [Aphorisms of Worldly Wisdom]. Moscow: Kanon+ Publ., 2016. 262 pp. (In Russian)
16. Seneca, L.A. *Nravstvennye pisma k Lutsiliyu* [Moral Letters to Lucilius]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2015. 349 pp. (In Russian)
17. Weber, M. "Smysl «svobody ot otsenki» v sotsiologicheskoi i ekonomicheskoi nauke", in: M. Weber, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 546–601. (In Russian)